

Отвѣтъ на рецензію.

Рецензія на мою книгу «Міръ какъ цѣлое», появившаяся въ журналѣ «Знаніе» (1873, № 1, стр. 27–36), хотя враждебна книгѣ по направленію, но написана такъ ясно и отчетливо и имѣеть въ такой степени серьезный тонъ, что еслибы я не сталъ отвѣчать на нее, можно бы было пожалуй обвинить меня въ маломъ интересѣ къ дѣлу, къ тому предмету, которому посвящена моя книга.

Но я нахожусь въ большемъ затрудненіи. Имѣю ли я право требовать, чтобы мой рецензентъ былъ заинтересованъ мышленіемъ, былъ дѣйствительнымъ искателемъ истины? Какія тяжкія требованія для журнальнаго рецензента! Вполнѣ чувствую ихъ несоразмѣрность и несправедливость, а между тѣмъ нельзя мнѣ отъ нихъ отступить; такова моя книга, такова ея точка зрѣнія, что разсуждать о ней иначе значило бы упустить изъ виду самую сущность дѣла. «Вся моя цѣль», сказано у меня въ предисловіи, «какъ будто состояла только въ томъ, чтобы во что бы то ни стало разбудить читателя, возбудить въ немъ философскую дѣятельность мысли» (стр. IV). Слѣдовательно, мнѣ нужно теперь разобрать, достигъ ли я своей цѣли, разбудилъ ли я рецензента, или нѣтъ? Я отъ него хотѣлъ мышленія, — значить съ этой стороны и долженъ судить о томъ, что онъ написалъ.

Въ самомъ началѣ рецензентъ пишетъ: «Существенная часть книги, по словамъ автора, — первая» (стр. 27). Вотъ сразу большая и важная ошибка; я этого и не думалъ и не говорилъ; я не называлъ первой части существенною; я сказалъ только, что она *излагаетъ главный взглядъ книги* (стр. XIII). Но, хотя вторая часть трактуетъ о болѣе частныхъ вопросахъ, я считалъ ее — по строгости метода, по тщательности обработки, наконецъ по большей опредѣленности разбираемыхъ ученій — не только не менѣе, а даже болѣе существенною, чѣмъ первая часть. Между тѣмъ рецензентъ ничѣмъ этимъ не заинтересовался и разсудилъ такъ: «Вторая часть

составляет только критику существующихъ взглядовъ, а не изложеніе опредѣленнаго ученія. Слѣдовательно на первую часть мы и должны обратить главное вниманіе“ (стр. 27).

Это *слѣдовательно* и нелогично, и очень для меня обидно: самая сильная часть книги не удостоилась вниманія рецензента.

Другія слова моего предисловія безъ моей вины были причиной другой ошибки рецензента. Я сказалъ, что признаю гегелевскую методу полнымъ выраженіемъ научнаго духа. Отсюда рецензентъ выводитъ, что у меня въ методѣ *двойственность*, что я смотрю на міръ *какъ натуралистъ и какъ метафизикъ*. Прежде чѣмъ вывести такое заключеніе рецензенту слѣдовало бы доказать, что метода натуралистовъ и философская метода Гегеля — двѣ вещи дѣйствительно различныя, никакъ несовмѣстимыя. Но онъ и не задумался надъ этимъ; когда ему попало великое имя Гегеля, то онъ заранѣе рѣшилъ, что все идущее отъ него не можетъ быть ничѣмъ, кромѣ ереси и заблужденія. Такова слава философіи въ наше время; таковы закоренѣлыя предразсудки относительно этой науки, — и мой рецензентъ сталъ судить мою книгу не по самой книгѣ, а по этимъ предразсудкамъ. Какъ трудно заставить людей думать! Они читаютъ, но не вѣрятъ не только автору, а и самимъ себѣ: они шагу не ступятъ безъ авторитета и думаютъ, что и всѣ другіе въ этомъ на нихъ похожи.

Я назвалъ человѣка *центромъ міра*. Рецензентъ рѣшительно отвергаетъ эту мысль, и вотъ на какомъ основаніи: «*человѣкъ какъ центръ міра*», говоритъ онъ, — «выраженіе, не имѣющее въ глазахъ натуралиста никакого смысла“ (стр. 28). Да почему же я долженъ ограничиваться тѣмъ какъ выражаются и чему учатъ натуралисты? Развѣ я не могу самъ выбирать свои выраженія, самъ опредѣлять ихъ точный смыслъ, самъ доказывать справедливость этого смысла? Почему вы не хотите слѣдовать за моею мыслью и ставите мнѣ въ стыдъ, что этой мысли нѣтъ у другихъ? Почему наконецъ вы не въ силахъ повѣрить, что это — моя мысль, а думаете, что я только твержу слова Гегеля, какъ вы сами только твердите слова натуралистовъ?

Въ разбираемой мною рецензіи есть черта очень для меня лестная: рецензентъ ни разу не укоряетъ меня ни въ какой ошибкѣ

противъ естественныхъ наукъ; онъ не нашель ни единого промаха, который бы показалъ, что я недостаточно свѣдуцъ въ этихъ наукахъ, или смутно понимаю то, чему онъ учать. Вотъ доказательство, что я не отвергаю натуралистовъ и не противорѣчу имъ, а только стараюсь расширить ихъ методъ, взять дѣло глубже и пойти въ немъ дальше чѣмъ они. Къ несчастію этого-то рецензентъ мой и не замѣчаетъ. Поэтому, хотя я глубоко и искренно благодаренъ ему за похвалы (такая для меня рѣдкость!), но не могу принять ихъ безъ ограниченія. «Первыя (четыре) главы“, — пишетъ онъ, «представляютъ *чрезвычайно ясное и послѣдовательное* изложеніе унитарнаго взгляда на природу“. Дѣйствительно взглядъ мой есть взглядъ унитарный, но не въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ и толкуетъ рецензентъ. Рецензенту не приходитъ и на мысль, чтобы я самъ могъ думать; ему все кажется, что я просто твержу обыкновенное ученіе натуралистовъ, и, сколько я ни старался, онъ не замѣтилъ моей собственной мысли, отъ которой однако же зависитъ самая ясность и послѣдовательность, заслужившая его похвалу. Не мудрено поэтому, что онъ потомъ находитъ у меня противорѣчія.

«Зачѣмъ“, спрашиваетъ онъ, «г. Страховъ ищетъ *существеннаго признака организмовъ*, котораго, какъ видно по его же изложенію, и быть не можетъ?“ Вотъ упрекъ чрезвычайно странный, если принять дѣло въ прямомъ и строгомъ смыслѣ и не предполагать, что я заранее отказался отъ возможности найти то, чего желаю. Что можетъ быть естественнѣе и правильнѣе, какъ искать различія между вещами? Какое бы единство мы ни предполагали въ природѣ, между произведеніями ея существуютъ различія, которыя изслѣдовать не только позволительно, а вполне необходимо. Признаки, которыми различаются вещи, имѣютъ различную важность; одни изъ нихъ болѣе существенны, другіе менѣе. Задача изслѣдователя, конечно, должна состоять въ томъ, чтобы найти, если возможно, самые существенные признаки. Вотъ простой смыслъ моихъ разсужденій и моихъ приемовъ. Если же они не понравились рецензенту, то только потому, что онъ закоренѣлый метафизикъ, что онъ подозрительно смотритъ на всякое слово и разсужденіе несогласное съ его собственной метафизикою. Въ словъ существенный

признакъ онъ видить не тотъ смыслъ, какой оно имѣеть прямо и просто; онъ видить здѣсь посягательство на единство природы. Онъ заранѣе положилъ, что съ нѣкоторой весьма отвлеченной точки зрѣнія всѣ предметы однородны, что всякія различія суть видимость, исчезающая передъ взоромъ науки. И вотъ онъ съ упрекомъ спрашиваетъ: зачѣмъ г. Страховъ ищетъ существеннаго признака организмовъ?

Дѣло, однако же, идетъ такимъ образомъ не сплошь во всей рецензіи; не все меня только укоряютъ, что я держусь однихъ авторитетовъ и уклоняюсь отъ другихъ. Я успѣлъ таки разбудить своего рецензента, и онъ, хотя съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, рѣшается разсуждать со мною и опровергать мои мысли, слѣдя за самымъ ихъ развитіемъ, за тѣми основаніями, изъ которыхъ я ихъ вывожу. Эту снисходительность онъ оказалъ мнѣ, къ сожалѣнію, только въ двухъ пунктахъ: относительно той мысли, что *совершенствованіе* есть существенный признакъ организмовъ, и еще относительно положенія, что *человѣкъ есть предѣль* Дарвиновской борьбы за существованіе.

Въ первомъ случаѣ весь вопросъ въ томъ, различаются ли въ природѣ вещи и явленія *по своему совершенству*? Я полагаю, что да, а рецензентъ, что нѣтъ.

Хотя рецензентъ и соглашается здѣсь разсуждать вмѣстѣ со мною, но и тутъ онъ, конечно, не упустилъ изъ виду своего главнаго аргумента, который для него заранѣе рѣшаетъ дѣло: онъ поражаетъ меня авторитетомъ натуралистовъ. «Въ научномъ смыслѣ, говоритъ онъ, *совершенный* (терминъ, который такъ часто ведетъ къ недоразумѣніямъ, что его лучше было бы совсѣмъ оставить) имѣеть два значенія: или *лучше приспособленный*, или *болѣе сложный, дифференцированный*» (стр. 29). «Другихъ научныхъ значеній слова *совершенный* мы не знаемъ» (стр. 30).

Это значить, что натуралисты не признаютъ никакого совершенства въ простомъ и прямомъ смыслѣ этого слова; для нихъ всѣ вещи равны, и рецензентъ справедливо думаетъ, что при такомъ взглядѣ лучше бы выбросить вовсе слово *совершенный*.

Но дѣло въ дѣлѣ, а не въ томъ какъ думаютъ и говорятъ натуралисты. Я осмѣлился думать собственною головою и употреблять

ть слова, какія нашель приличными для своихъ мыслей. Чтобы доказать, что въ мірѣ существуютъ различныя степени совершенства, я употребилъ въ своей книгѣ совершенно неотразимый аргументъ; я рассуждалъ такъ: какъ бы мы ни смотрѣли на вещи, мы все-таки должны признавать, что истина выше заблужденія, познаніе выше невѣжества, умный человекъ совершеннѣе идіота, правильное и ясное понятіе лучше неправильнаго и темнаго. Натуралисты, или какіе-нибудь другіе метафизики могутъ отрицать все, что имъ угодно — различіе красоты и безобразія, здоровья и болѣзни, даже пожалуй добра и зла; но различія истины и заблужденія и они отрицать не могутъ, потому что они сами искатели истины, сами борцы противъ заблужденій, и въ этомъ исканіи и бореніи полагаютъ свою честь и достоинство. Такимъ образомъ этотъ аргументъ похожъ на декартовское *cogito ergo sum*; если я и во всемъ сомнѣваюсь, все отрицаю, то не могу, однако же, усомниться въ своемъ сомнѣніи, отрицать и свое отрицаніе.

Изъ моего аргумента легко сдѣлать выводъ относительно организмовъ. Если мышленіе зависитъ отъ организаціи, то очевидно организмъ болѣе способный находить истину, болѣе способный къ познанію и мышленію, долженъ быть признанъ и по самой своей организаціи болѣе совершеннымъ.

Рецензентъ выписываетъ все это мое доказательство, и что же возражаетъ? «Г. Страховъ», говоритъ онъ, «употребляетъ терминъ *совершенный* относительно умственнаго развитія, очевидно, въ совершенно другомъ смыслѣ, въ какомъ къ тѣлесному развитію онъ неприложимъ. Для г. Страхова совершеннымъ въ томъ смутномъ значеніи, въ какомъ онъ употребляетъ этотъ терминъ, является то, что для другаго нисколько не *совершеннѣе*, не лучше; все тутъ дѣло во вкусъ» (стр. 29).

Какъ? неужели отъ вкуса зависитъ предпочитать истину заблужденію, правильное понятіе ложному? Неужели познаніе и мышленіе являются совершенствомъ только для г. Страхова, а для другаго эти вещи *нисколько не совершеннѣе*, не лучше, чѣмъ невѣжество и бессмысліе? До чего мы дошли! И еще рецензентъ увѣряетъ, что я даю слову *совершенный* «смутное значеніе»! Нѣтъ, это

значеніє такъ ясно, что яснѣе его и быть не можетъ; кто не дѣлаєтъ различія между правильнымъ понятіємъ и неправильнымъ, между знаніємъ и незнаніємъ, тотъ уже вовсе не мыслить.

Рецензентъ, можетъ быть самъ хорошенько того не видя, стоитъ очевидно на такой точкѣ зрѣнія, съ которой умъ и глупость, истина и фантазія — все одинъ и тотъ же вздоръ, все одинъ какой нибудь *задержанный рефлексъ*, все разные виды атомическихъ движеній, изъ которыхъ ни одинъ ни лучше, ни хуже другаго. Но если такъ, то не о чемъ и не зачѣмъ разсуждать и спорить.

Далѣе рецензентъ дѣлаєтъ нѣсколько замѣчаній имѣющихъ цѣлью опровергнуть вообще «мысль о совершенствованіи какъ индивидуальныхъ организмовъ, такъ и ихъ совокупности, или о *стремленіи организмовъ переходить въ высшія формы*». Но эти замѣчанія, къ несчастію, вовсе до меня не касаются, относятся не къ моимъ доказательствамъ и соображеніямъ. Рецензентъ утверждаетъ, что такъ называемый законъ совершенствованія вовсе не есть *законъ*, а только *описаніе* явленія, и что невозможно признавать для его объясненія какую нибудь совершенствующую силу. Но я ни о чемъ подобномъ и не думалъ, я хотѣлъ именно сдѣлать только описаніе или опредѣленіе явленія, а вовсе не объяснить его какую нибудь силою и законами ея дѣйствій. Самъ же рецензентъ приводитъ на стр. 31 мое выраженіе, что въ организамахъ происходитъ «*таинственный, самъ себя производящій процессъ совершенствованія*». Вотъ моя настоящая мысль. Для натуралистовъ въ природѣ нѣтъ ничего ни хорошаго, ни дурнаго и всѣ вещи одинаково понятны, то-есть одинаково бессмысленны; для меня въ природѣ есть красота и совершенствованіе, есть глубокая тайна, хотя и совершающаяся открыто и ежедневно передъ нашими глазами.

Но всего страннѣе рецензенту показались мои мнѣнія о *человѣкѣ*. По его мнѣнію человѣкъ «не имѣетъ никакого существеннаго, кореннаго отличія отъ всякаго другаго животнаго, растенія и минералла, однимъ словомъ *отъ всякой другой вещи*» (стр. 28); поэтому его очень удивляетъ, что «г. Страховъ никакъ не можетъ смотрѣть на человѣка

также безхитростно, *какъ и на всякій другой естественный предметъ*, постоянно видя въ немъ какую-то загадку *par excellence*" (стр. 36).

Вотъ до какихъ временъ мы дожили; намъ говорятъ, что даже человекъ не надобно считать выше, чѣмъ какую бы то ни было другую вещь, что и на него слѣдуетъ смотрѣть точно также, какъ и на всякій другой естественный предметъ. Это новѣйшій взглядъ, *безхитростный* взглядъ химиковъ и физиковъ, которые какъ ни разлагали и не изслѣдывали человекъ, не нашли въ немъ ничего особеннаго.

О моихъ разсужденіяхъ по этому вопросу рецензентъ отзывается, собственно говоря, съ большою похвалою. Онъ говоритъ: на первомъ положеніи (*то есть на томъ, что произведенія природы различны по своему совершенству*) г. Страховъ строить цѣлую систему, цѣлый рядъ выводовъ, въ концѣ котораго оказывается, что человекъ есть центръ міра" (стр. 30). «Заключенія строго логичныя...» Но рецензентъ отвергаетъ ихъ, самъ употребляя для этого строго логическій приемъ; «заключенія строго логичныя», говоритъ онъ, «но которымъ мы не придаемъ никакого значенія, какъ основаннымъ на совершенно ложномъ основаніи (*то-есть на мысли о различіи предметовъ по ихъ совершенству*)" (стр. 32).

Выходитъ, слѣдовательно, что если кто нибудь рѣшится признать, что въ мірѣ одна вещь бываетъ лучше или выше другой, то онъ долженъ будетъ признать цѣлый рядъ моихъ выводовъ и наконецъ тотъ выводъ, что человекъ есть центръ міра. За такое заявленіе о силѣ и связности моихъ выводовъ я искренно благодаренъ рецензенту.

Но мысль о центральности человекъ изложена мною не въ видѣ одного общаго и отвлеченнаго вывода; я пояснялъ ее со многихъ и различныхъ сторонъ, съ какихъ можно разсматривать предметы природы. Собственно разсужденіямъ о человекѣ посвящена статья *Жители планетъ*, чего, къ великому моему прискорбію и удивленію, никакъ не могутъ сообразить не только тѣ читатели, которые ее не читали, и тѣ писатели, которые не читавши ее бранятъ, но даже мой рецензентъ, который ее читалъ.

Изъ всѣхъ моихъ разсужденій о человекѣ рецензентъ остановился только на одномъ, — и по несчастію какъ разъ на томъ, которому я не

придавалъ особой важности, которое сдѣлано мною мимоходомъ, безъ тѣсной связи съ другими и безъ развитія. Я сказалъ, что «человѣкъ есть *предѣль Дарвиновской борьбы*, потому что тутъ борьба прекращается, является владыка, которому нѣтъ соперниковъ. Полагаю, что это справедливо, если смотрѣть на дѣло не съ одной точки зрѣнія, а и съ другихъ, требуемыхъ и допускаемыхъ дѣломъ. Но рецензентъ возражаетъ:

«Точно такимъ же *предѣломъ* могли считать себя даже и какіе нибудь силурійскіе трилобиты, еслибы только умѣли разсуждать. Мы, — могли бы они сказать, — такъ разпространились по всей землѣ, составляемъ такую преобладающую породу животныхъ и такъ хорошо приспособлены къ своей средѣ, что очевидно развитіе органическаго міра съ нами останавливается; мы повсемѣстно вытѣснили множество другихъ животныхъ, теперь борьба прекращается, потому что явился владыка, которому нѣтъ соперниковъ, которому одинаково все покорно».

Совершенно справедливо; не думаю, да и никогда не думалъ отрицать, что на точномъ основаніи Дарвиновской теоріи можно ожидать вымиранія человѣка и замѣны его какимъ нибудь другимъ животнымъ, худшимъ или лучшимъ — неизвѣстно. Дарвиновская борьба за существованіе не имѣетъ ни границы, ни направленія, ни закона. Въ ней все возможно, и послѣ царства человѣка легко можетъ снова наступить царство трилобитовъ. Но я хотѣлъ только сказать, что въ настоящую минуту Дарвиновская борьба очевидно остановилась на человѣкѣ; хоть онъ по вашему и равенъ всякому трилобиту, но побѣда пока остается за нимъ и, какъ кажется, онъ не собирается уступить кому нибудь свое владычество надъ землею. Слѣдовательно въ дѣйствительности, въ области фактовъ человѣкъ есть *предѣль Дарвиновской борьбы*; что же касается до теоріи, въ которой ему приходится такъ плохо, то вѣдь эта теорія собственно только говоритъ, что она ничего не знаетъ, ни за что не ручается. И слѣдовательно человѣку нечего бояться за свое владычество, если у него есть какія нибудь другія ручательства и онъ не принужденъ довольствоваться въ пониманіи міра и своего положенія одною теоріею Дарвина.

Замѣтимъ въ скобкахъ, что теорія, невыяснившая спеціального положенія челоука, есть уже по этому самому очень несовершенная и отвлеченная теорія.

До сихъ поръ, хотя рецензентъ ни разу не бралъ вопроса вполнѣ и обходилъ существенные пункты, я не могъ не радоваться, что хоть нѣкоторыя мои разсужденія удостоились его вниманія. Но дальше я долженъ горько жаловаться на несправедливость, на явное уклоненіе отъ вопросовъ. «Жители планетъ» вызвали, на примѣръ, у рецензента такой отзывъ: «Разсуждать въ настоящее время о жителяхъ планетъ также бесплодно, какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ разсуждать о химическомъ составѣ міровыхъ тѣлъ. До открытія новаго метода химическихъ изслѣдованій — спектральнаго анализа — о составѣ міровыхъ тѣлъ можно было высказать *только самыя общія положенія, выходящія изъ нашихъ самыхъ общихъ понятій о строеніи вселенной*, наши научныя свѣдѣнія не увеличились бы при этомъ, очевидно, ни на волосъ. Въ такомъ же положеніи находится въ настоящее время, для челоука науки, и вопросъ о жителяхъ планетъ. Но вѣдь г. Страховъ, рядомъ съ научнымъ методомъ, обладаетъ еще другимъ и пр. (стр. 33, 34.)

Я спрашиваю теперь рецензента: имѣлъ ли онъ хоть малѣйшее право дѣлать мнѣ подобныя упреки въ двойномъ методѣ, въ отступленіи отъ науки и тому подобное? Говоря о жителяхъ планетъ, развѣ я не ограничился строго тѣмъ, что онъ самъ допускаетъ, то есть *только самыми общими положеніями, выходящими изъ нашихъ самыхъ общихъ положеній о строеніи вселенной*? Гдѣ онъ нашелъ у меня что нибудь другое? Почему онъ не хочетъ разсуждать со мною? И въ чемъ наконецъ онъ меня упрекаетъ?

Признаюсь, я удивленъ выше мѣры. На первой страницѣ «Жителей планетъ», къ несчастію, у меня опять стоитъ имя Гегеля; и вотъ, какъ только увидалъ это имя рецензентъ, такъ у него и помутилось все въ глазахъ, онъ не понимаетъ самыхъ ясныхъ выводовъ, подозрительно глядитъ на самыя строгія, почти математическія доказательства, и наконецъ начинаетъ кричать, что наука въ опасности, что ее продаютъ и

измѣняютъ ей. Что значить предрасудокъ! Какъ сильна бываетъ въра въ старыя преданія!

Въ концѣ рецензіи есть отзывъ о второй части моей книги, который по его краткости и важности предмета мы приведемъ вполнѣ. Вотъ онъ:

«О второй части книги г. Страхова («Неорганическая природа. Критика механическаго взгляда») мы сдѣлаемъ только коротенькую замѣтку, — такъ какъ въ ней авторъ не излагаетъ *опредѣленнаго ученія*. Г. Страховъ, на примѣръ химіи, показываетъ, *сколько еще въ каждой наукѣ и именно въ самыхъ общихъ положеніяхъ заключается метафизики*. «Натуралисты не просто наблюдаютъ природу», говоритъ онъ, «или списываютъ ее, но они вмѣшиваютъ въ нее построенія своего ума» (стр. 422). Мы съ этимъ *вполнѣ согласны* и считаемъ это неизбѣжнымъ, но все-таки не послѣдуемъ совѣту г. Страхова «учиться мыслить» (т. е. «мыслить независимо отъ представленій») до тѣхъ поръ, пока не убѣдимся, что сами учителя этого невозможнаго искусства *достигнуть болѣе достойныхъ вниманія результатовъ*, чѣмъ какихъ они достигали до сихъ поръ.» («Знаніе», № 1, стр. 35).

Вотъ отзывъ, который съ одной стороны лестенъ для меня въ высокой степени, чего можетъ быть не думалъ рецензентъ, но за то съ другой стороны тѣмъ больнѣе меня огорчаетъ. Дѣло идетъ о методѣ наукъ, о самыхъ главныхъ ихъ приемахъ и основаніяхъ. И оказывается, что я успѣлъ вполнѣ убѣдить рецензента; примѣромъ химіи (а также, нужно бы прибавить, физики и отчасти механики) я убѣдилъ его, что въ ученіяхъ натуралистовъ *много метафизики, много построеній ихъ собственнаго ума*, которыя они по заблужденію принимаютъ за чистые факты, за правильный выводъ изъ опытовъ и наблюденій. Казалось бы — что можетъ быть важнѣе? Между тѣмъ рецензентъ не приписываетъ дѣлу никакого интереса и насмѣшливо замѣчаетъ, что онъ не послѣдуетъ моему совѣту «учиться мыслить». Но почему же? Да только потому, что вопросъ идетъ о методѣ, а не объ *опредѣленномъ ученіи*, о приемахъ наукъ, а не о какихъ нибудь *результатахъ*.

Вотъ ясный примѣръ того, какую безмѣрную силу имѣетъ метафизика. Заговорите объ истинѣ, о строгомъ научномъ изслѣдованіи, о точности въ приемахъ мышленія — никто васъ слушать не станетъ; всѣ

требуютъ одного — дайте намъ поскорѣе *опредѣленное ученіе*, говорите намъ о сущности вещей, постройте намъ цѣлую систему, словомъ какъ можно больше метафизики, какъ можно больше *результатовъ* и какъ можно меньше *методы*, и вы будете интересны, мы будемъ васъ читать и разсуждать съ вами.

Я могъ думать однако же, что по крайней мѣрѣ люди ученые, находящіеся въ постоянномъ знакомствѣ съ научными изслѣдованіями и гордящіеся этимъ знакомствомъ, будутъ заинтересованы разсужденіями о методѣ; но примѣръ рецензента еще разъ убѣждаетъ меня, что естественныя науки въ нынѣшнемъ ихъ видѣ не только не искореняютъ склонности къ метафизикѣ, а даже усиливаютъ ее; рецензентъ пренебрегаетъ всякими изслѣдованіями о методѣ.

Между тѣмъ, становясь на точку зрѣнія истинной науки, истиннаго мышленія, можно изъ его собственныхъ словъ видѣть, какъ важны и существенны предметы, которымъ посвящена вторая часть моей книги. Я показалъ, какъ онъ говоритъ, что въ естественныхъ наукахъ много метафизики; не есть ли это весьма *опредѣленное ученіе*, только не о природѣ, Богѣ, душѣ и т. д., а о томъ состояніи, въ которомъ находится метода разсматриваемыхъ наукъ? Я показалъ, какъ утверждаетъ рецензентъ, что натуралисты вмѣшиваютъ въ наблюденіе природы *свои построенія*; не есть ли это весьма важный *результатъ*, только не относительно судебъ міра и человѣка, а относительно судебъ физики, химіи и пр.? Казалось бы ученаго человѣка это должно нѣсколько заинтересовать. Если рецензентъ правъ, то не слѣдуетъ-ли, что я показалъ основанія, по которымъ въ этихъ наукахъ должно быть произведено *существенное преобразование*?

И напрасно рецензентъ отказывается *учиться мыслить*. Онъ очень ошибается говоря, что «мыслить независимо отъ представлений» есть *невозможное* искусство. Во первыхъ могу его увѣрить, что онъ самъ обладаетъ такимъ мышленіемъ, и даже ежедневно хоть немножко въ немъ упражняется; а во вторыхъ, развѣ я могъ бы составить и предложить свою критику естественныхъ наукъ, если бы не умѣлъ стать на точку мышленія независимаго отъ представлений? Съ критикой моей

рецензентъ *вполнѣ согласенъ*; вотъ ему и доказательство, что это искусство и *вполнѣ* возможно, и приносить опредѣленные результаты.

Но намъ хотѣлось бы, конечно, не такихъ результатовъ; намъ хотѣлось бы отвѣта на тѣ вопросы, которые мы постоянно разрѣшаемъ нашими метафизическими мечтаніями. Погодите; если такіе результаты должны быть, то они и будутъ; лишь бы только путь нашъ былъ вѣренъ, лишь бы мы строго держались истины. Мнѣ странно, что моя *критика механическаго взгляда* не подсказала рецензенту никакихъ выводовъ, не заставила его, какъ челоуѣка извѣстныхъ мнѣній, вооружиться на защиту этого взгляда. Механическое построеніе всѣхъ явленій тѣсно связано съ опредѣленными убѣжденіями; если такъ, то рецензентъ можетъ предчувствовать, какіе *результаты*, должны получиться отъ критики, опровергающей механической взглядъ въ самой основѣ. Сказать такъ какъ сказалъ рецензентъ: «мы подождемъ, посмотримъ; а теперь, хоть мы и видимъ, что думаемъ неправильно, но иначе думать не умѣемъ и не можемъ», — сказать такъ не значить что-нибудь опровергнуть. Это уловка и отговорка, а не возраженіе.

Мнѣ остается еще разъ поблагодарить рецензента за его очевидную добросовѣстность и серьезность. Нельзя ставить ему въ вину его страсть къ метафизикѣ и его предрасудки относительно философіи; это не личные его недостатки, а такъ называемый *духъ вѣка*. Одна только строчка въ рецензіи огорчила меня за ея автора; это строчка, гдѣ онъ утверждаетъ, что будто бы у меня «много эрудиціи, много философскаго *туману*, много *фразъ*» (стр. 35). Обвиненіе въ туманѣ и фразахъ совершенно голословно и совершенно несправедливо; оно взято цѣликомъ изъ «Дѣла» или «Искры» и прямо противорѣчить отзывамъ самого рецензента, который, слава Богу, прочелъ меня, и потому нашелъ у меня въ тѣхъ мѣстахъ, которыя стали разбирать, и *строгую логичность, и чрезвычайную ясность и послѣдовательность изложенія*. И въ самомъ дѣлѣ, я терпѣть не могу ни туману, ни фразъ.

Надѣюсь, что и мною рецензентъ останется доволенъ: я отвѣчалъ на всѣ его главные пункты, принимая ихъ въ самомъ серьезномъ

смыслъ, и я далъ дѣйствительный отвѣтъ, а не писалъ такъ чтобы имѣть только видъ побѣдителя.

Н. Страховъ.